Яўген Калашнікаў

Будильник

Утром будильник звонит и звонит:
— В школу пора! Просыпайся,
Серёжа!
Сонный Серёжа ему говорит:
— Перезвони мне на часик попозже…

Бабочки

Как цветы весенние,
В пору их цветения,

Людям очень нравятся
Бабочки-красавицы.

Жёлтенькие, синие,
Чудные, красивые…

Летом весело порхают
И совсем того не знают,

Что они вредители
Или их родители.

Их летает сотни, тыщи,
Как и нам нужна им пища…

И они ли виноваты,
Что влекут их ароматы

Лука, вишни и капусты,
Как бы не было нам грустно…

И за что на них нам злиться?
В жизни их не ждёт покой —

Служат пищей жабам, птицам,
Это их удел такой.

И давай признаем дружно —
Значит всё природе нужно!

Ябеда

Жили-были неразлучно,
Даже спали в конуре,
Кот Черныш с собакой Жучкой
У хозяйки во дворе.

Но однажды поругались,
Разобиделись до слез —
Из-за рыбы передрались
И поссорились всерьёз.

А всему виною щучка,
Что в ведре с водой живёт…
А про щучку знала Жучка
И, конечно, знал и кот.

Щучка плавает в ведре,
А хозяйка во дворе,
На скамеечке в беседке
Мирно шепчется с соседкой.

Упустить счастливый случай
Разве могут кот с собакой?
У ведра подняли бучу,
Да такую — просто драку!

Тут ведро перевернулось,
И такая вышла штука —
Жучка только облизнулась,
А Черныш сбежал со щукой.

Это просто неприлично!
Как он мог так поступить?!
Ведь мечтали, как обычно,
Рыбу честно поделить.

От обиды задрожала
Жучка — это же разбой!
И к хозяйке побежала,
Подняла сердито вой.

А хозяйке стало ясно:
Жучка воет неспроста.
Прибежала не напрасно
С донесеньем на кота.

Но досталось им обоим
За украденную щучку.
Получили розги двое,
Верещал и кот и Жучка.

— Так тебе и надо, Жучка!
— Проворчал сердито кот, —
Ты ещё получишь взбучку.
И не ябедничай. Вот.

Зачем ёжику шубка?

Как-то с ежом
Пошутила лисица:
— Знаешь, дружок,
Я ведь шить мастерица.

Хочешь, красавец,
Я шубку сошью,
Будешь, как заяц,
В тепле, как в раю.

Колючую кожу
На шубку меняй,
И станешь такой же
Красивый, как я.

Будешь ты в шубе,
Холодной зимой,
Словно на юге
В полуденный зной.

Глупая шутка.
И вот почему:
Ёжику шубка
Совсем ни к чему.

В зиму ведь ёжик
Под корнем сосны

В гнёздышке может
Проспать до весны.

Солнечным летом
Умеют ежи
Сами устроить
Прохладный режим.

Не для красы
Им родные иголки,
А против лисы
И, конечно же, волка.

Мишкина берлога

Вот уже зима хлопочет,
Разгулялась непогода.
Спать медведь ложиться хочет —
«В спячку!» — требует природа.

Ходит, бродит он по пущё,
Ищет Мишка бурелом,
Ищет заросли погуще,
Чтобы там устроить дом.

Дом не дом, а так, берлогу…
Вот нашёл медведь корчагу,
Приподнял её немного —
Силы много у бродяги.

Набросал наверх прилежно
Мох, траву, сухой валежник,
Чтобы внутрь пурга, метели
Невзначай не залетели.

Чтоб удобней было спать
Ямку вырыл под корчём,
Только листьями застлать —
И морозы нипочём.

Мишка дело туго знает,
Жира накопил порядком,
И мороз не запугает,
Спать Потапыч будет сладко.

А зима ещё укроет
Тёплым снежным одеялом,
Спать ведь нашему герою
До весны, ой как немало!

А в народе сказки бают,
Что голодный косолапый
Спит себе и только знает,
Что сосать всю зиму лапу.

Но, конечно, это басни.
Знаем мы теперь прекрасно:

Прежде, чем залечь в берлогу,
Нагулял он жира много,

И, мечтая о весне,
Улыбается во сне.

Медведь-музыкант

Мишка утренней порой
Шёл с малинника домой.

Видит — дерево лежит,
Рядом грустный пень стоит.

Ураган недавно сильный
Изломал в лесу осину.

И теперь из пня печально
Щепки длинные торчали.

А медведь глаза таращит —
Понял он в один момент:

Этот пень ведь настоящий
Музыкальный инструмент!

Ещё бабушка учила
На таких играть лучинах.

Дёрнул он лучину смело —
Как струна она запела.

Дёрнул он ещё сильнее,
Грустно песня зазвенела.

И в окрестностях полдня
Лилась жалоба-кручина

О судьбе печальной пня
И изломанной осины.

Растеряха

Просыпаясь по утрам,
Злится, чуть не плачет Мишка,
Поднимает тарарам,
Ищет он носки, штанишки.

Вроде здесь и раздевался,
Но один носок пропал,
Тапок где-то затерялся,
Убежал, пока он спал.

Все его одёжки ночью
Убегают воровато,
И зловредно, между прочим,
Вечно прячутся куда-то.

Под подушкой, под кроватью,
И за шкафом, и на нём…
Невозможно отыскать их
Даже с Барсиком, котом.

Говорит он маме нервно,
Отыскав носок и шапку,
— Знаешь, мама, я, наверно,
Буду спать в носках и тапках.

Просьба

— Мам! Я так хочу собачку! —
Просит Вова, чуть не плача, —
Подарила бы щеночка
Для любимого сыночка!

— Ну, зачем тебе собака? —
Убеждает Вову мать, —
Ведь с собакою, однако,
Нужно раненько гулять!

А тебя же даже пушкой
Не поднимешь от подушки,
И хотела бы я знать,
Кто же будет с ней гулять?

Шерсть собачья по углам
Будет клочьями летать…
Ты надеешься, что мама
Будет мусор выметать?

— Ну, а если обезьянку? —
Просит Вовочка опять, —
С ней не нужно спозаранку
Просыпаться и гулять.

— Здрасьте! — Мама отвечает, —
Лишь об этом я мечтаю.
Тут не то что по утрам —
Будет вечный тарарам.

Да и корм для обезьяны
Нам совсем не по карману.
Много надо обезьяне
Апельсинов и бананов.

— Что ты, мамочка! Зачем?
Не едят они совсем!
Их совсем кормить не надо…
Сам читал я и друзья
На ограде Зоосада:
«ОБЕЗЬЯН КОРМИТЬ НЕЛЬЗЯ!»

Будзільнік вінаваты

Дакарае мама Колю:
«Як не сорамна, сынок!
Зноў спазніўся сёння ў школу,
Прагуляў зноў урок»…

«То ж падвёў мяне будзільнік,
Мо забыў званіць уранні.
Вінаваты ён, гадзіннік,
Да яго ўсе пытанні»…

Снегіры

Пасярод зімы аднойчы
Зірк на дрэва ў двары —
І ажно заплюшчыў вочы —
Ззяюць цуда-ліхтары!

Мо, то яблыкі паспелі?
Не! На дрэве ўгары
Прыляцелі і паселі
На зімоўку снегіры.

Аксамітам шапкі ззяюць,
Спінкі шэрыя з блакітам,
Грудкі полымем палаюць
І сваё «дзьжю-дзьжю» спяваюць.

Кожны год у зімовы час
З летняй поўначы, здалёку.
Снегіры ляцяць да нас,
Бо яны не любяць спёку.

Не баіцца ён здаецца,
Ні марозу, ні пургі…
Снегіром таму завецца,
Шчэ ў народзе клічуць «гіль».

Корм яго ў час зімовы
Той жа, што і вераб'іны,
А ласунак снегуровы —
Гэта ягады рабіны.

Хмарка і воблакі

Маленькая, кволая хмарка
Плавала ў небе павольна.
Гэта яе гаспадарка
Ў воблаках з белай бавоўны.

Воблакі, нібы авечкі,
Пасвіліся на прасторы,
І адбіваліся ў рэчках,
І ценьмі плылі па моры.

Жылі яны так марудна,
І, гледзячы зверху на хвалі,
Воблакі неяк сумна
З рэчкаю размаўлялі.

«Рэчанька! Наша маці!
Як нам з табою сустрэцца?
Колькі нам ў небе гуляці,
У люстэрка тваё глядзецца»?

Слухала скаргі іх хмарка,
Ды й кажа ім з бліскавіцай:
«Вы вільгаць збірайце шпарка,
Каб потым дажджом праліцца.

Разам збярэмся дарэчы,
Станем вялізнаю хмарай,
Вось і сустрэнемся з рэчкай,
Здзейсніцца вашая мара».

Вераб'і на правадах

Вераб'і на правадах
Нібы ноты ў нотным сшытку,
Быццам нехта гэтых птах
На кіліме дзіўным выткаў.

Ластаўка ў фрачнай пары,
Як выдатны дырыжор,
Тут кіруе без фанфараў
І пяе птушыны хор.

Ды харыстам нехапала
Салавейкі-запявалы,
І таму недасканала
Толькі чырканне гучала.

Шпак-спявак

Калі ў садзе ёсць шпакоўня —
Будзе ў садзе яблык поўна.

Я заўжды шпакоўню тую
Да прылёту рамантую.

Птушкі клопаты адчуюць —
Сад ад вусеня ўратуюць.

І спявае шпак прыгожа,
Нават, як салоўка можа.

Ён цудоўны выканаўца,
Розных моў выдатны знаўца.

Часам ён вядзе размову
І на іншаземнай мове.

Чуў я нейк на адвячорку
Афрыканскую гаворку.

Ён як жаба можа квакаць,
І забрэша, як сабака…

Вось такі ён, шпак, пацешны.
Гэта птушка-перасмешнік.

Але ж больш на золку рана
Ён «фьюіць» пяе старанна.

Днём жа трэба працаваць,
Птушцы некалі спяваць.

Вось дык паспачувала!

У бабулі сёння свята —
У яе дзень нараджэння,
І бабулечку заўзята
Віншавала ўнучка Жэня.

«Я люблю цябе, бабуля,
І віншую з гэтым святам,
Будзь здаровая, бабуля,
І жыві гадоў багата».

Усе бабулю віншавалі
З юбілейным святам, потым
Песні добрыя спявалі,
Пілі-елі каву з тортам.

Потым скончылася свята,
Разышліся ўсе дахаты.

А пасуды — як навала,
Трэба мыць яе нямала.

Зажурылася бабуля:
І калі памыць змагу я?

Унучка ж ёй дае параду:
«Дасі потым, бабка, рады.

Не спяшайся мыць пасуду,
Не ўцячэ яна нікуды.

Заўтра, заўтра, не на свята,
Часу мыць будзе багата».

Мядзвежая лекарка

Фрося, сталая кабета,
Нейк займалася на дачы.
То ж было ў разгары лета,
Час, канешне, быў гарачы.

Раптам, быццам бы спружына
Таўханула яе ў плечы.
Азірнулася жанчына —
Божа ж мой! Куды б уцекчы?!

Ці то кінуцца да хаты?
Небяспечна і нязручна…
Аж за ёй мядзведзь калматы
Рыкае не вельмі гучна.

Супакоілася Фрося :
Паглядаў мядзведзь не злосна,
Нават, як ёй падалося —
Дапамогі Мішка просіць.

У поўны рост стаіць прад ёю,
Быццам бы парад прымае,
І распухлую, з крывёю,
Лапу перад ёй трымае.

Сабралася Фрося з духам,
Падыходзіць да мядзведзя,
Спакваля, павольным рухам,
Каб зручней яе агледзець.

Бацюхны! Якая стрэмка!
Ды глыбока так залезла!
Ён, відаць, на шчэпках трэнькаў,
Музіцыраваў, балесны…

Фрося галаву нагнула,
Учапілася зубамі,
Што ёсць сілы пацягнула
І дастала стрэмку з раны.

І застыла… Штой-та будзе?!
Што-та зробіць касалапы?
Дзе ж то бачана, каб людзі
Медзвядзям лячылі лапы!

А мядзведзь зусім свабодна
Галавою нахіліўся,
На яе глядзіць лагодна,
Нібы Фросі пакланіўся.

Тады Фрося вельмі хутка
З галавы здымае хустку
Забінтоўвае балячку,
І мядзведзь відаць удзячны,

Яшчэ ніжай нахіліўся,
Нібы зноўку пакланіўся,
Уздыхнуў нарэшце вольна,
І пайшоў сабе павольна.

І падумала жанчына,
Калі трохі адпачыла:
«Нават дужых медзвядзей
Вядзе хвароба да людзей.

Дзе ж у лесе медыцына?!
Вось і ўся на то прычына».

Первый класс

В ночь на 1–ое сентября Игорь дважды просыпался с вопросом: «Я ещё не проспал?».

— Нет, нет, — успокаивала бабушка и голова его тут же падала на подушку. Ещё вечером он начал грузить в портфель всё подряд — учебники, тетради и всевозможные письменные принадлежности. Едва удалось его остановить.

Утром все были в умилении, потому что ещё ни разу за 7 лет его жизни не было случая, чтобы Игорь встал сразу же, как только его окликнули. А в это утро он мгновенно сел на постели, протёр кулачками глаза и, даже не потягиваясь, соскочил на пол. Конечно, долго продолжаться такой героизм не мог. Уже на третий день он никак

не мог раскрыть глаза, а на четвёртый день, продолжительно зевнув, произнёс: «Переведите меня в другую школу. Только чтобы во вторую смену ходить».

Но в свой первый школьный день он собрался очень быстро и в школу шёл торжественный и важный, как и полагается первокласснику.

В класс пришлось идти сквозь строй родителей. Он степенно поздоровался и сел на то место, где сидел все те несколько дней подготовки, которые для них провели в школе. Повесил портфель на крючок сбоку парты, положил перед собой букет и сел, как паинька, сложив ручки на парте. Но рукам не долго пришлось лежать спокойно. Через пару минут он уже оживлённо разговаривал о чём–то с соседом сзади.

Вдруг возле него в нерешительности остановилась девочка. «Садись, — говорит ей учительница. — Где я тебе говорила сидеть?»

— Вот здесь.

Смущённому Игорю ничего не оставалось, кроме как пересесть на другую парту.

Память у Игоря, можно сказать, выдающаяся. Диафильмы, которые ему показывали, он запоминал с первого раза, а во второй раз он уже сам воспроизводил тексты слово в слово и с той же интонацией, как ему и читали. Но к великому ужасу родителей первое время он не запоминал многое, что происходило с ним в школе.

— Игорь, тебя вызывали?

— Вызывали.

— Ну и как? Ответил?

— Ответил.

— Правильно?

— Правильно.

— А что у тебя спрашивали?

— Не помню.

А иногда он прямо говорил:

«Не помню, вызывали или нет, но если вызывали, то ответил правильно».

Однажды он пришёл из школы очень радостный и сообщил, что получил пять по устному и учительница его даже по головке погладила. Но сколько от него ни добивались, что же он всё-таки отвечал — он так и не вспомнил. И только вечером, на родительском собрании, учительница сказала, что он единственный в классе ответил на вопрос, что такое натуральный ряд чисел и как получить последующие и предыдущие числа этого ряда. А вот с письмом совсем не ладилось.

Пришёл однажды из школы, портфель в угол, в глазах слёзы, лицо красное, злой. Всё не так, всё не хорошо и в школу ему ходить не надо… Зачем? Только двойки получать? И зачем он вообще на свет родился раз писать красиво у него не получается?

К счастью двойка оказалась единственной. Правда, прошло немало времени, пока он научился достаточно прилично писать. Сначала тройки сменились четвёрками, потом пятёрки вытеснили четвёрки. Но когда он видел эту свою двойку в тетрадке — морщился, кривился: «Фу, даже смотреть противно, как вспомню про неё — прямо тошнит».

Зато сколько восторга было по случаю первой пятёрки по математике!

В дом ворвался ликующий: «По математике пять!»

— По устной? — удивилась мама.

Дело в том, что оценки за устные ответы он не считает особо ценными.

— А, это легко, — говорит он.

Поэтому мама и удивилась — как он умудрился получить пятёрку за письменную работу.

Однажды, когда отец пришёл за ним в школу, Игорь вылетает из класса с сияющим лицом и сообщает: «По математике устной пять, по математике письменной пять, по письму четыре. Только маме с бабушкой не говори. Это я тебе по секрету рассказал».

Дома же он с трудом сделал постное лицо, хотя глаза блестели от удовольствия, и для начала сообщил маме с бабушкой: «А, сегодня у меня одни тройки».

Зато он с удовольствием рассказывал, как получил первую пятёрку за письменную работу: «Открываю тетрадь, думаю, как всегда — тройка или четвёрка. А тут глядь — пятёрка! Я даже плясал от радости!»

Хвост подвёл

Грешно смеяться над чужой бедой, но иногда случается так, что просто невозможно удержаться от неуместного хохота.

Вечером, когда я возвратился с работы, во дворе вокруг меня радостно, явно пытаясь что–то сказать, прыгал Кузя — мой замечательный пёсик. Потом он привычно присел, зная, что сейчас я его поглажу и потреплю за уши, подал мне лапу, лизнул руку и побежал за мной к двери, за которой уже слышалось нетерпеливое мяуканье Барсика. Он сегодня целый день просидел в заперти — «мышковал» на чердаке и теперь радовался, что одиночество окончилось.

Но едва я открыл дверь, как уши резанул дикий вопль. Такого истошного кошачьего крика я ещё никогда не слышал.

Потом раздалось устрашающее шипение, затем сердитое фырканье и снова истошный крик. В полумраке сеней я не мог сразу понять, что случилось. А когда разобрался — меня всего затрясло от хохота, хотя бедный Барсик в этот момент был, наверное, на грани помешательства.

Представьте себе летающего под потолком кота на верёвочке.

Несчастный кот извивался на хвосте, который защемился в узкой прорези пластмассовой съёмки для яблок. На длинном шесте она стояла в углу у самого лаза на чердак.

Все четыре лапы его были растопырены в разные стороны, выпученные глаза казалось вот–вот выкатятся на кончики усов, а когти сейчас вырвутся из пальчиков и сами вцепятся в кого–то страшного и ужасного, ухватившего Барсика за хвост.

Конечно же, я сразу всё понял и моментально опустил съёмку вместе с Барсиком к лестнице. Бедный кот молнией взлетел обратно на чердак, выдернув свой хвост из злополучной ловушки, и оттуда долго ещё неслись его устрашающее шипение и завывание.

А случилось вот что. Хвост у Барсика очень длинный — раза в полтора длиннее, чем обычно. А длинные хвосты у котов всегда особенно нервные. Они всегда в движении — слева

направо, вверх–вниз даже тогда, когда сам кот сидит спокойно. Не зря ведь говорят, что у кота зло на кончике хвоста. Он-то и подвёл беднягу в этот раз. Когда Барсик спрыгивал с чердака, его хвост, как всегда, вильнул в сторону и попал в щель стоящей съёмки. Барсику, не ожидавшему ничего дурного, подумалось, что какое-то чудище схватило его за хвост и тащит обратно. Он изо всей силы рванулся вперёд и ещё больше усугубил свою беду. Хвост защемился окончательно, а Барсик, не имея опоры повис в воздухе.

Вот в таком виде — перепуганного, куда–то летящего, с растопыренными лапами, с оскаленной пастью и выпученными от ужаса глазами, я увидел своего кота.

Это было настолько комично, что после его спасения я минут двадцать не мог успокоиться и, захлёбываясь, хохотал снова и снова, как только принимался рассказывать об этом происшествии своим домочадцам.

Ну, а Барсик ещё некоторое время пошумел на чердаке, нагоняя трепет на мышей, и, только совершенно успокоившись, отважился спуститься вниз.

Дублёр

Сессия была уже почти за плечами — оставался один экзамен «Деревянные строительные конструкции». Студентки четвёртого курса, Татьяна и Мария, близнецы по происхождению, «повышенные» стипендиатки, собирались в институт.

— Что-то я сегодня не в своей тарелке, — говорит Мария, — сильно голова болит и крутит, как при простуде. Может, Танюшка, сдашь сегодня за меня экзамен?

— Ну, ты даёшь! Он же меня сразу разоблачит.

— Да ну, о чём ты говоришь?! Они же все нас только по одёжкам и различают. Сдашь за себя, потом в общаге переоденемся, возьмёшь моего Толика под ручку и вернёшься в институт. Тем более что Деревяшка нас хоть и любит, но, как и все, не различает.

Чего долго тянуть резину. Сказано — сделано. Сдала Татьяна «свой» экзамен, быстренько переоделась в общежитии в костюм Марийкиного цвета и снова в аудиторию.

Билет нормальный, всё понятно, но, для приличия, Татьяна сидела за столом, делая вид, что усердно обдумывает ответы.

Наконец её очередь к столу Деревяшки, как любовно студенты называли своего препода. Фёдор Иванович внимательно выслушал ответы на вопросы билета, задал пару дополнительных вопросов, аккуратно поставил в зачётку «отл.», но, отдавая зачётку, улыбаясь, заметил: «А всё же сестра знает предмет лучше».

Дяде моему, Валентину Стефановичу Марцевичу, посвящается

Тебя я знаю лишь по фотографиям,
Да по рассказам образ твой сложив,
Ведь ты погиб в апреле сорок пятого,
Лишь месяц до Победы не дожив.

Замела тебя война свинцовой
заметью,
Ни дочь, ни сына не успел родить…

Но ты навечно будешь
в нашей памяти,
А значит будешь очень долго жить.

Ушёл из жизни ты, внезапно
пулей сбитый,
До свадьбы не дожив, не долюбив.
Где, когда и как погиб ты,
На чужбине пядь земли добыв?

Мне узнать бы, где твоя могила,
Положить на холмике цветы…
Где жестокая война тебя сгубила,
Оборвав на взлёте все мечты?

Без вести пропал в той злобной
замети,
Но подвиг твой и был и будет свят.
Ты Родиной отмечен
в книге ПАМЯТИ,
Сержант Марцевич,
доблестный солдат.

***

Вода источила гранит,
Давно уже справили тризну,
Но бережно память хранит
Всех, кто погиб за Отчизну.

И пусть не висят их фото
На стенках печальных комнат…
Вы живы, пока хоть кто-то
На этой Земле Вас помнит.